

В СОЮЗЕ
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

ОБСУЖДЕНИЕ РОМАНА АНАТОЛИЯ ИВАНОВА „ПОВИТЕЛЬ“

В комиссии по русской литературе Союза писателей РСФСР в феврале этого года состоялось обсуждение романа А. С. Иванова «Повитель», опубликованного в первых номерах журнала «Сибирские огни» за 1958 год.

Открывая обсуждение, председательствующий С. Баруздин подчеркнул, что в центре внимания нового Союза писателей должны быть не общие абстрактные разговоры, а рукописи и книги, конкретное, творческое их обсуждение, что подобный творческий разговор с писателями должен стать у нас традицией.

Затем автор рассказал, как он работал над романом.

С подробным анализом романа А. Иванова выступил Д. Нагишкин:

«Когда я начал читать книгу, у меня возникли некоторые литературные аналогии. Я не мог не вспомнить о судьбе Григория Мелехова, нашего старого литературного друга, а также не мог не вспомнить и второй литературный персонаж, который прочно вошел в галерею образов нашей советской литературы, — образ Петра Ивановича Сторожева из «Одиночества» Н. Вирты.

Не случайно возникают эти аналогии. Я не хочу говорить здесь о каких-то качественных аналогиях, мне интересен вопрос о духовной преемственности определенных образов, существующих в советской литературе.

Если вспомнить, что Григорий Мелехов выражал величайшую трагедию донского казачества, и если мы знаем, что, начав вооруженную борьбу против Советской власти, он пришел к краху, к пониманию того, что «старая жизнь кончилась», а новая не началась и надо ее начинать... А как начинать — время покажет... Если вспомнить то, что было описано в романе Н. Вирты «Одиночество», то увидим, что духовная родня Григория Мелехова — Петр Сторожев тоже поднимал оружие против своего народа и шел по этому пути до конца, потому что другой жизни у него не было,

и он подох, как волк, загнанный охотниками.

Это уже не тихий Дон, а Тамбовщина. И вот, сейчас мы берем Сибирь. Перед нами возникает фигура Григория Бородина, которая выразила собой очень глубокое философское содержание многих жизненных представлений сибирских крестьян.

А. Иванов взял на себя довольно тяжелый труд — показать преемственность поколений русского крестьянина. И не случайно поэтому в его произведении с равной силой начинают звучать темы трех поколений — деда, отца и сына.

Когда мы говорим об этом багаже поколений, мы применяем обычно удобную политическую формулу, о глубине содержания которой стали подчас забывать, — это формула: «пережитки капитализма в сознании людей».

Григорий Бородин не сам по себе стал человеком, которого постепенно возненавидела вся деревня. Нельзя забывать о той человеческой ответственности за создание его характера, которую несет отец Григория Бородин — Петр. Он пытается взять на себя эту ответственность и сделать Григория таким же, как он сам. Но Григорий, делая затем своего сына по образу и подобию своего отца, перекладывая на молодые, еще не окрепшие плечи тяжкий груз частнособственнической психологии, пытается избежать этой ответственности. Во всяком случае, Григорий пытается свои страдания разложить на двоих.

А он страдал... Какой жестокой ломке подвергался его характер со стороны отца, как жестоко мучился он сам, понимая, что груз ненависти к людям нести дальше нельзя!.. Это не так просто показать, и я думаю, что А. Иванов совершенно правильно, как и подобает советскому писателю, глубоко проникнул в психологию своих героев. Впервые у нас поставлен в художественном произведении вопрос о борьбе за формирование сознания советского человека в та-

447

ком плане, в каком возникает он сейчас, после XXI съезда партии.

Анатолий Иванов пытается решить это не по методу «раз-два», не потому, что раздался выстрел «Авроры» в 1917 году и начался новый мир, а поставил, как серьезную задачу очищения поколения, — тяжелое мучительное очищение от той скверны буржуазного сознания, с которой выросли наши отцы и которая имеется еще до сих пор в наших душах.

Начав свое выступление с разговора о Мелехове и о Сторожеве, я возвращаюсь к созданным Ивановым образам, чтобы подчеркнуть их отличие от созданного М. Шолоховым и Н. Виртой.

Мне кажется, что А. Иванов возложил на свои плечи задачу более трудную. Он не только показал нам врагов советского строя, деда и отца Бородиных, но показал попытку этих людей перекараситься, временно притаяться и вроде как изнутри взорвать Советскую власть...

В нашей литературе более или менее широко известен еще один такой образ. Я напомним роман Шухова «Ненависть». Там эта попытка была отражена в довольно яркой форме, но А. Иванов взял на себя больше: он показал страшную живучесть этих прежних представлений, а так как они живучи и владеют человеком на протяжении десятилетий его советской жизни, то возникает важнейшее качество книги А. Иванова — она учит советского человека бдительности, умению видеть людей такими, как они есть на самом деле, а не какими хотят казаться в целях приспособления к новой жизни и, в конечном счете, борьбы против строя, который их иногда не устраивает.

В методе А. Иванова привлекает честность, — внимание ко множеству деталей, которые он вводит, не боясь обвинения в том, что изображает лишь одни теневые стороны. Он группирует их, создавая образ такой силы, который в душах читателей вызывает не страх, а тревогу. И действительно, это фигуры страшноватые, но они вызывают желание и стремление быть беспощадными к Григорию и найти какое-то человеческое отношение к сыну его Петру, чтобы спасти из-под влияния отца.

Это и есть работа по коммунистическому воспитанию. Это книга, которая заставляет воевать против самоуспокоенности: революция, мол, произошла, все у нас хорошо, идем к коммунизму... Но она борется и против ложной подозрительности. Могли бы найтись люди, которые, зная, насколько однозна фигура Григория только на него перенесли бы груз вины отца Петра-младшего.

И этот философский вопрос, который поднимает книга, говорит о главном: книга имеет право на жизнь, сделана с позиций социалистического реализма, написана не поверхностно, а глубоко, с

философским осмыслением и с хорошим писательским умением обобщать и соединять отдельные изолированные явления в образы.

Может возникнуть вопрос — у нас было довольно модно задавать автору этот вопрос: типичен ваш герой или нет?

Я думаю, что Григорий Бородин — лицо не типическое, а исключительное. Но тут происходит интересная вещь...

Сам по себе Бородин — личность исключительная, а образ его носит черты типического — определенная типизация явлений, типизация определенной классовой прослойки... И с этой точки зрения — он типический образ для своего класса, своей эпохи.

Я внимательно слушал выступление А. Иванова и обратил внимание на то, что он произнес слово «противоречия». Это возбуждает серьезное внимание и интерес к личности автора, к его методу работы и осмыслению жизненных явлений.

Есть ли в нашем обществе противоречия? Сейчас в этом сомнений быть не может. Противоречия есть, они не антагонистические, как говорится, но довольно-таки неприятные.

Могут сказать, что эта книга характеризует уже пройденный этап, что таких Григориев Бородиных сейчас нет. Но если их и нет в таком виде, налицо остается серьезное противоречие между личной собственностью и собственностью общественной. Это противоречие не снято, как не снято и другое противоречие: факт имущественного неравенства. Оно не имеет прежней основы, против которой в свое время прозвучал залп «Авроры», но налицо противоречие между людьми, находящимися в менее и в более обеспеченном положении... С другой стороны, имеются в нашей социалистической стране такие рабочие и служащие, которые хотят работать поменьше и получать побольше...

Я говорю об этом потому, что корни бородинщины есть у нас и сейчас, и с этой точки зрения книга А. Иванова «Повитель» сделает доброе, полезное дело.

Правда, она не из «мягких» книг, которые закрываешь с улыбкой удовлетворения и чувствуешь «благорастворение» воздухов и плодов земли...

Эта книга жестокая. Эта книга, если хотите, даже злая, но она является серьезным оружием советского писателя в борьбе против буржуазного сознания людей в нашей стране. И я думаю, что роман вызовет очень серьезное внимание в широких слоях нашего народа, что книга будет принята на вооружение в странах народной демократии, — там, где в деревне инстинкт личной собственности еще более сильно выражен, чем у нашего колхозника.

Не все в этой книге мне нравится. Автор иногда изменяет своей манере.

В начале романа мы видим чрезвычайную точность, доскональность и логическую последовательность всех обстоятельств, которые подводят Бородину к военному периоду его жизни. А потом вдруг происходит убийственный сбой, который композиционно очень вредит книге. Вдруг Бородин исчезает из поля зрения, уходит на фронт, затем приходит с фронта, и, лишь постепенно начинает вырисовываться его подлая роль, которую он сыграл там, оказавшись дезертиром, трусом и т. д.

Чтобы книга была более целостной и чтобы в ней не было никакого элемента интриги (сейчас в книге нет ложной интриги, это — социальный роман), — я полагаю, что в третьей части лучше было бы показать Бородина на фронте.

И затем, мне кажется, в самом конце А. Иванову несколько изменило чувство меры. Momentами он переходит в изображении Григория Бородина в сознательный гротеск, даже в плакат, и это не идет на пользу книге, потому что появляется другая манера и книга теряет в целостности.

Описание обыска, когда вскрывается последний тайник подвала, чрезвычайно натуралистично. Не надо впадать в грехи натурализма, а в романе — особенно в четвертой части, — имеется целый ряд мест, которые выпадают из общего плана книги.

Пусть не все автору удалось сделать в романе сообразно поставленной задаче, пусть есть здесь и срывы, а иногда где-то дрогнула у него рука, но это только отдельные ошибки, и ошибки роста. А в целом мы все можем сказать, что растет очень серьезный и интересный писатель!».

Выступивший затем П. Шебунин говорил об умении А. Иванова мыслить образами, находить яркие детали, позволяющие раскрыть души героев. Особенно интересно и сильно выписан образ Григория Бородина. Обаятелен образ Дуняши. В советской литературе он займет достойное место. Это — большая победа автора. Дуняша хороша не только своей беззаветной любовью к Веселову, но и большой человеческой силой, которая постоянно устранила Григория, заставляя его отступать перед нею.

Большой натяжкой считает П. Шебунин факт избрания Григория председателем колхоза. В деревне было уже немало активных людей, которых читатели успели полюбить, а на собраниях они вдруг оказались безмолвными. Этому просто не веришь. Неоправдано и поведение Пьянкова, который знает о преступлениях Григория на фронте и молчит. Не такой у Пьянкова характер, чтоб молчать об этом, ждать, а не искать свидетелей.

Н. Емельянова обратила внимание на современность романа. «Мне этот роман и весь этот материал, — сказала Н. Еме-

льянова, — показался настолько обращенным к живущему сейчас и настолько приковывает наше внимание к тому тягелому и страшному, что, к сожалению, еще доходит к нам из той глухой поры, которая так уродовала людей, что вопрос о несовременности произведения даже и ставить нельзя».

«Я поставил целью показать, как советская действительность очищает людей от скверны капиталистических пережитков», — сказал А. Иванов, и эти слова целиком воплотились в произведении и подтверждаются впечатлением, которое у меня осталось от романа.

По мнению Н. Емельяновой, Григорий Бородин — новый образ в советской литературе. Подобный характер в нашей литературе еще не был показан с такой яркостью и силой.

Несколько критических замечаний высказал О. Хавкин. «Я должен честно и сердечно сказать, что очень многое в романе меня озадачило. Прежде всего, я почувствовал здесь перо большой силы, и драматической и лирической, и хотя многое во мне сопротивлялось и протестовало, но я читал роман с большим увлечением.

Меня, прежде всего, заставил рассуждать и размышлять сам Григорий. Он выписан с большим темпераментом и большой силой, и надо сказать, что провести такую фигуру с молодости и до последних дней с такой последовательностью, силой и темпераментом, — для этого надо иметь уже накопившееся мастерство и разумное понимание того, что делаешь.

Но мне показалось, что в образе Григория Бородина есть какие-то черты патологии, отклонение от нормы человеческого поведения. Ожидание нового убийства и нового уничтожения Григорием очередного противника убивает представление о Григории, как о социальном явлении.

Я согласен с мнением Д. Нагишкина, что вторая половина романа написана несколько в другой манере, и здесь автор в чем-то себя обкрадывает.

Возьмите Аниску в первой половине романа и во второй. Вы запомнили ее с необыкновенно синими, до черноты глазами. Это нищенка, болезненная девушка, во второй части романа совсем другая. Она отступает на второй план и рисуется, как мать Петра, как забытая жена Григория. И только в конце автор вспомнил, что нет — эти глаза еще живучи».

«Я не стану повторять того, что здесь говорили Д. Нагишкин и другие товарищи относительно характеристики Григория и его общественной и социальной роли — все это я воспринимал также с чувством глубокого удовлетворения, — сказал С. Сартаков.

И пейзажи, и образы, все, кончая взаимоотношениями героев, написаны ярким резким пером. Это не размель-

чено, выписано в деталях, не размагничено бессодержательным диалогом, который становится в последнее время стихийным бедствием толстых романов, когда персонажи просто говорят, и поражаешься, зачем они говорят. Развитие характеров дано в романе логично и последовательно.

Здесь вот возник спор: правильно ли выбрали Григория Бородина председателем колхоза? Мог ли быть он избран? Мне кажется, что это дело художнического пера. Можно было бы, конечно, добавить сюда отдельные штрихи, но во всяком случае это совершенно реально и так могло произойти...

У меня после прочтения появились три замечания или предложения.

Вот, скажем, начало романа. Изображается деревня Локти, до которой не доберешься и оттуда тоже не просто выехать. Только три-четыре жителя этой деревни знали и бывали в городе, а для всех остальных это считалось чем-то фантастическим.

И вдруг, в середине романа, происходит быстрая метаморфоза: оказывается, с городом налажена хорошая связь, и деревня сблизилась с городом. Надо было показать, откуда произошло это сближение.

Второе. В этом романе, где нет ничего лишнего — ни лишних диалогов, ни лишних людей, все очень экономно и полновесно, — какой же здесь закономерный финал? Это — крах Григория Бородина, показ того, как жажда собственности высосала из него соки, показ закономерности его трагедии.

Этим кончается тема всего произведения. Но после того, как Григорий Бородин раскрыт и развенчан до конца, идет ожидание суда, сцена суда (которая, кстати сказать, написана не оригинально), потом начинается история Петра и Поленьки, написанная отнюдь не энергичными красками. Возникает чувство, что автор сидит и вспоминает: а что я еще не объяснил читателю? И вот, шестая глава четвертой части идет исключительно на объяснение подробно невыписанных мест самого романа. А следовало бы полезное и нужное пропустить вперед, объяснить чуть-чуть раньше, чтобы самый конец романа был, что называется, оглушающим, и чтобы он гулко ударил под самый занавес; чтобы сразу было чувство облегчения у читателя, что вот наступил конец этого Григория Бородина и его идеологии. Получалось же так, словно я после сильного фильма стал смотреть неинтересный киножурнал, и ухожу из кино с разбитым чувством цельности этого произведения.

Но крах самого Бородина — это в эмоциональном отношении сильно выписано, хотя, может быть, и не ново. Мясо, зерно смешано, превращено в гниль, в труху. Но мне казалось, что об этом следовало бы написать несколько иначе.

Здесь получается так: открывают люди подвал и видят эту мерзость, — вот последствия жажды собственности! Он хорошее мясо и зерно превратил в отбросы. И надо, чтобы это не только посторонние свидетели увидели, а чтобы это стало высшим наказанием Бородина.

Помните, в «Страшной мести» у Голя — скачет убийца и его неудержимо влечет к Карпатам, и куда бы он ни пытался уйти, все равно судьба его толкает к Карпатам, и он стоит на краю пропасти, где находятся все замученные им люди. Такая аналогия напрашивается и для финала Бородина.

Он видит, что гниет, безвозвратно гибнет все богатство, которое он копил всю жизнь, копил с риском для своего разоблачения, копил сам, не зная, когда и как он использует его. Но в душе все-таки жила надежда, что использует. Но теперь видит, что использовать нельзя — и это для него самое страшное наказание за всю жизнь.

Третье. Помню, когда я читал, у меня родилось недовольство взаимоотношениями, которые складывались у Петра с Поленькой. Это, по моему, единственный случай в романе, когда такое событие для героев, как их размолвка, возникает без подготовки, без большой жизненной правды. Ведь ясно, что Поленька его любила большой чистой любовью, а если возникло предположение, что он ей неверен, то по своему характеру Поленька должна была прямо, в открытую искать объяснения. А у меня осталась какая-то личная неудовлетворенность этим до сих пор.

За последние годы у нас появилось очень много интересных и растущих авторов, среди них А. Иванов с его «Повителем». А. Иванов — писатель интересный, ищущий и бесспорно самостоятельный. В «Повителе» есть кое-что от разных крупных писателей, соединенное вместе; но мне кажется, что это постепенно уйдет и выработается своя, отчетливая писательская манера.

Как и все выступавшие, — начал А. Дементьев, — я думаю, что роман А. Иванова представляет собою очень положительное, серьезное и талантливое явление в современной литературе.

Я бы хотел отметить самостоятельность и смелость молодого писателя. Я думаю, что эти качества очень существенны, ими надо дорожить, их надо поддерживать. У него свои проблемы и свой замысел и свое решение. В этом смысле «Повитель» не рядовой роман, не иллюстративный, а роман очень продуманный и полемический. Автор готов его обосновывать, защищать и оправдывать.

Смелость, самостоятельность автора в том, что главное место в романе занимает дико-отрицательный, преступно-отрицательный тип. По нашему времени не всякий писатель на это решится. Тут сразу может прийти в голову мысль: как бы из этого чего не вышло.

И с современностью... Я считаю, что роман очень современен, хотя значительная часть романа построена на изображении событий и судеб, далеких от современности. Смелость и самостоятельность в идейно-художественном плане, смелость художественного решения поднятых вопросов — это драгоценное качество вообще, которое нуждается во всяческом поощрении.

И мне нравится, что автор не боится ярких красок, резких жестов, острых ситуаций и характеристик, не боится грубых и острых мазков. Это очень существенно и связано одно с другим: если найдено свое решение вопроса, автор будет смелее писать, а если нет, он будет писать на среднеарифметическом уровне. Стремление к остроте ситуаций и характеров составляет положительную черту книги.

И третье, что хотелось отметить, — это чувство слова, чувство языка. Это роман не безязычный. Прочитаешь первые полторы страницы, — и сразу видишь, почему это — художественная литература.

Интересен пейзаж, интересны характеры... Возьмите хотя бы описание деревни. Видишь эту деревню! Этого в нашей литературе мало... В романе нет серости!

Мне кажется, что «Повитель» — одно из самых интересных произведений последнего времени, и издательство «Советский писатель», в частности, не так уж много выпускает таких романов. Что мы здесь имеем? — «Битва в пути», «Братья Ершовы», вот, пожалуй, и все... Роман необходимо издать в Москве с хорошими иллюстрациями.

Г. Колесникова, соглашаясь с тем, что «Повитель» — одно из лучших произведений последних лет, отметила, что новая деревня во второй части романа изображена без должной яркости, что данные первым планом отрицательные персонажи заслоняют светлое в современной деревне. Следует подумать обо всем этом при переиздании романа в «Советском писателе».

Затем выступил Л. Соболев.

«Нужно подчеркнуть такое качество романа, — сказал он, — которое мы называем мастерством. Книга по-литераторски очень крепко сделана. Она написана ярким выпуклым языком. Здесь все чувствуется почти на ощупь, каждое слово зримо стоит на месте. И за счет этого получается та емкость, которую мы и наблюдаем в книге.

Считаю, что роман А. Иванова — прекрасная антитеза тому, что я говорил на съезде относительно серости и расплывчатости нашей литературы. В этом доме нет лишней щели, и он не разваливается, стоит плотно. Получается некая плотная ткань повествования.

И даже не лаконизм писателя привлекает, а умение его отбирать то необходимое, что должно идти в литературу.

И с этой точки зрения правilen упрек С. Сартакова, относительно конца книги.

В романе конец хочется видеть другим, хочется какого-то музыкального звучания последнего аккорда. Растягивать всю эту историю нельзя. Надо сказать все так, чтобы читатель подумал: «Неужели кончился роман?».

Может быть, не нужно сцены суда? Но там есть драгоценные вещи, в частности, когда Анисья приносит узелок. Это замечательный эпизод. Та самая Аниска, которую Григорий травил собаками из-за куска хлеба, теперь приносит ему этот кусок! Но это можно дать где-то раньше.

Чем еще привлекает книга? Она привлекает убедительной, удивительной лепкой характеров, которая так нужна и от которой мы долгие годы отвыкали. А это такая вещь, которая ослепляет и в небольшом рассказе.

Я хочу высказать свои мысли по поводу споров товарищей насчет юного поколения — Поленьки и Пети. Петра я принимаю таким, каков он есть. Сущность его образа объясняется тем страшным одиночеством, в котором растет Петья в отцовском доме. Он растет, как слабый пруттик, отец старается его совершенно сломить, он не хочет вырастить сына-комсомольца.

Конечно, можно было бы образ Петра строить по-другому.

Можно было бы показать, что наследственные особенности Бородиных оказались в Петре-младшем в новом качестве, проявились на новой основе, и противопоставить Григорию другого титана. Григорий — титан собственничества, одиночества, а его сын Петр — титан новой советской, социалистической морали.

Когда отец ударил Петра, он должен был вцепиться в него зубами. А раз этого не произошло, — значит образ Петра задуман и построен совершенно по-другому. И такое построение образа Петра совершенно правомерно, и даже естественно. Естественно, потому что от такого собственнического зерна не может возникнуть сильный, революционный деятель, если он не попадет с самого начала в иную обстановку. В нем — жажда протеста, но это фронда, потому что он не может выйти из этой обстановки, тем более, что его никуда не пускают, он и комсомол не знает, и ничего не знает.

Есть большая правда в том, что страшная почти символическая фигура собственника, кулака Григория, давит на своих детей и выращивает их такими. А как они будут вынарабатываться из этого, как придут к новому началу — покажет жизнь. Об этом надо писать новую книгу.

Но вот неправильно, на мой взгляд, построен образ Поленьки. Не может она, живя в такой семье, быть институткой. А она — институтка и город-

ская девочка. Читаешь и думаешь: ей, наверное, очень хочется учиться в консерватории. А ведь это деревенская девушка, из трудовой семьи. Отец ее — батрак, активист чуть не сожженный, стрелянный, мать — женщина деятельная, энергичная, а дочка получилась совсем другая! Да еще и имя-то ей дали — Поленька! Если бы можно было этот образ поправить для нового издания, то я бы поправил.

Я согласен с тем, что вторая половина книги слабее, чем первая. И здесь невольно напрашивается объяснение. В первой части — сюжет необыкновенный. Я до сих пор помню, как старик Петр рубанул цыгана и ощутил — холодная или горячая сталь у топора. Конечно, против всех этих страстей трудно противопоставить что-то равноценное. Выход может быть найден лишь в создании характеров. А характеры Пьянкова, Ракитина только намечены, а до конца не доведены. И если бы пришлось дорабатывать книгу, надо подумать, что можно сделать для устранения этих слабых мест.

Я ничего не сказал в комплимент. Прошу записать в стенограмме в отношении образа Аниски. Мне кажется, это удивительный образ и новый для литературы. Он очень тщательно сделан, в хорошем рисунке, в хорошей русской манере. Это — музыкально построенный образ и доведенный до конца с этим узелком с хлебом. Кто-то сказал, что когда подрастает Петр, то теряется Аниська? Она такой и должна быть. И она не теряется.

И еще. Мы отвыкли от таких книг! Здесь — все видение свое, и своя философия. И обратите внимание, эта книга — почти на грани мелодрамы построена. Но все достоинство ее заключается в том, что она построена на этой грани... Чуть-чуть — и все убийства превратятся черт знает во что. А убийства, написанные в такой серьезной манере, — это «передвижническая» живопись. Поэтому неправ, мне кажется, тов. Хавкин, говоривший о патологии образа Григория Бородина. Здесь не патология, а наоборот — логическое развитие образа. В том-то и ужас положения Бородина, что для своего существования он дол-

жен убивать. И в этом, если хотите, вся мораль собственности. Если рассуждать об этой идее собственности вглубь, то мы ясно увидим, что капитализм вынужден убивать и убивать, потому что без крови, без насилия, без войны он жить не может. Здесь чувство собственности персонифицировано в одном образе.

В заключение Л. Соболев сказал:

— Очень отрадно, что у нас стали появляться такие произведения. Позвольте поздравить друг друга с хорошим сибирским романом. А автору пожелаем довести его до совершенства».

О некоторых художественных просчетах автора говорил на обсуждении В. Архангельский.

С. Зальгин возражал против некоторых советов, данных автору. Он не согласился с пожеланием Д. Нагишкина на какой-то момент перенести действие романа на фронт: это нарушило бы цельность произведения.

Относительно последней части романа С. Зальгин заметил, что она на самом деле не выдерживает ту нагрузку, которая предназначена ей по замыслу. Здесь не найдено нового характера.

В заключение С. Зальгин сказал: «Многие пришли в восторг от того, что говорил здесь А. Иванов. Я этому значения не придаю. Лучше дать ему не говорить, а писать побольше. У меня сложилось впечатление, что автор переживает момент, когда ему нужно оторваться от этой вещи, иначе его замучают советами. Я пользуюсь присутствием редакторов, чтобы просить их определить роман здесь. А в отношении советов — автор сам должен решить, как с ними быть».

Председательствующий С. Баруздин, подводя итоги обсуждения романа, сказал о плодотворности такого конкретного разговора о произведении, о том, что автор вправе соглашаться или не соглашаться с теми или иными советами, и все-таки многое из сказанного заслуживает его внимания.

Он предложил представителям печати шире, подробнее рассказать на страницах своих газет о таком хорошем, интересном и радостном явлении, как роман А. Иванова «Повитель».